

Ли Кыми

НЕВЕСТА ПО ФОТОГРАФИИ

перевод Анастасии Войцехович

роман

МИО

МИФ Проза

КЫМИ ЛИ

Невеста по фотографии

«Манн, Иванов и Фербер»

2020

УДК 82-311.6(519.5)

ББК 84(5Кор)6-442

Ли К.

Невеста по фотографии / К. Ли — «Манн, Иванов и Фербер»,
2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195590-0

Можно ли выйти замуж за человека, которого никогда не видела? В 1918 году три кореянки покидают родные дома и отправляются в судьбоносное путешествие на Гавайи: они решают вступить в брак, увидев только фотографии своих предполагаемых мужей. Каждая из девушек бежит на другой конец мира в поисках лучшей жизни, но вскоре их мечты рушатся. Избранник Хончжу оказывается на тридцать лет старше, чем на фотографии. Сонхва отдана в жены ленивому пьянице. А Подыль хоть и сделала хорошую партию, но все равно несчастна: ее жених Тхэван согласился на свадьбу не по своей воле. Но пути назад нет. И теперь подругам предстоит свыкнуться с новой реальностью и начать все с чистого листа. Для кого эта книга Для тех, кто любит истории, в основе которых лежат реальные исторические события. Для читателей книг Те Нэм Джу («Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году»), Лизы Си, Син Кёнсук. Для тех, кому интересно узнать, кто такие «невесты по фотографии» и как складывалась их судьба. Для любителей затягивающих романов с нестандартным сюжетом. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.6(519.5)

ББК 84(5Кор)6-442

ISBN 978-5-00-195590-0

© Ли К., 2020

© Манн, Иванов и Фербер, 2020

Содержание

1917 год, деревня Очжинмаль	8
Девушка в зеркале, мужчина на фотографии	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ли Кыми

Невеста по фотографии

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

The Picture Bride

© 2020 by Geum-yi Lee

Originally published in Korean by Changbi Publishers, Inc. All rights reserved.

This book is published with the support of the Literature Translation Institute of Korea (LTI Korea).

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2022

* * *

1917 год, деревня Очжинмаль

– Подыль, дорогуша, видать, в следующем году тебе уж восемнадцать. Мож, тебя отправить невестой в Пхова? – спросила пусанская ачжимэ¹. Глаза девушки и ее матери, госпожи Юн, тут же округлились.

Несмотря на то что приятельница госпожи Юн давно жила в Купхо, все ее называли ачжимэ, то есть «тетушка», из Пусана. Она была торговкой и ходила по деревням, предлагая масло из семян камелии, косметику, гребни для волос, зеркала, принадлежности для вышивания и другие женские безделушки. Ачжимэ приходила в дом матери Подыль, когда та еще была ребенком. Раз-два в год ачжимэ навещалась в деревню Очжинмаль и непременно располагалась торговать в доме Подыль, после чего оставалась и на ночь.

Горный хребет Мэбонсан обступил местность тугим кольцом – словно колодец, из крошечной щели которого виднелось лишь небо. В таком пространстве деревушка Очжинмаль, где и пятьдесят домохозяйств не насчитать, казалась еще более уединенной. Чтобы дойти до ближайшего рынка в Чучхоне, нужно было преодолеть целых три горных перевала. Неудивительно, что одно лишь появление пусанской ачжимэ заставляло сердца деревенских девиц биться сильнее. Среди вещиц на продажу они едва могли позволить себе купить мешочки с иголками и спичками, все остальное было заоблачной мечтой, но один лишь взгляд на эти предметы становился усадой для глаз. Для ушей же величайшим наслаждением были новости, которые путешествующая повсюду торговка приносила в деревню из внешнего мира.

Толпа замужних женщин, наводнивших комнату, постепенно разошлась, а младшие братья девушки Квансик и Чхунсик отправились спать в комнату напротив. Расстелив постель, Подыль взглянула мельком на мать, пытаясь угадать, что она думает по поводу внезапных слов ачжимэ о замужестве. «Пхова» – это слово она слышала впервые. Впрочем, как и ее мать.

– Пхова? Энто хоть бы где?

Лицо госпожи Юн выражало одновременно и радость, и страх. Девушка знала причину этого беспокойства. Какой бы хорошей ни была партия, в приданое нужна была хотя бы одна новая циновка, а достать ее было трудно.

Когда восемь лет назад умер отец Подыль, который работал учителем, вместе с гнетущей тишиной семью девушки накрыла темная тень, подобная тем, что даже в ясные дни отбрасывают горы. Когда через два года на тот свет последовал старший сын, эта тень легла и на прежде ясное лицо госпожи Юн.

– Энто далековато. Про Америку слышали?

– Слыхали. Тот белый носач², пастор церкви Чучхона, ведь американец. То бишь там живут такие, как он? – поинтересовалась госпожа Юн.

В романе «Кровавые слезы»³, который читала Подыль, главный герой тоже отправился в Америку. Такое, конечно же, встречается в книгах, но вот что можно поехать туда в реальной жизни... в это девушка никак не могла поверить.

– Ага. Энто американская земля, но только Пхова – энто остров. Деньги там с земли в совок метут. Да что там, говорят, что одёжа и обува там растут как фрукты на деревьях – только

¹ Ачжимэ – слово в диалекте провинции Кёнсан. Так называют женщин в возрасте, ровесниц матери или старше. *Здесь и далее примечания переводчика.*

² Носачами в Корею называли всех людей с «европейской» внешностью.

³ Роман корейского писателя Ли Инчжика, написанный в 1906 году. Действие его происходит в трех странах: Японии, Китае и США – и связано с японо-китайской войной 1894–1895 гг. и социальными изменениями в сознании корейцев: герои несут популярные в то время идеи о независимости, реформах образования и изменениях в институте брака. Произведение стало первым романом «новой прозы». Важная идея его – учеба и образование позволят поднять страну на ноги.

хватай, что нравится, и носи. А погода-то кака! Всегда теплейшая весна, так и забудешь, что такое зимняя одежда! – пусанская ачжимэ разгорячилась сильнее, чем когда вела торговлю.

– Энто что, прямо рай на земле? – неожиданно выпалила девушка.

– Самый настоящий! Только окажись там, и удача будет всегда с тобой! Эх, ежели я была лет на десять моложе, напудрилась бы хорошенько и поехала бы невестой туды сама.

От этих слов морщинистой ачжимэ Подыль и госпожа Юн прыснули со смеху. Это разрядило до того серьезную обстановку разговоров о замужестве.

– Ты говорила, тама живут мужчины из Чосона⁴? Откудава ты их знаешь? – спросила мама Подыль. Девушку этот вопрос тоже интересовал.

– Лет эдак десять назад чосонские мужчины уехали в Пхова на заработки. Тоды они там встали на ноги и решили подыскать себе невест. Но, как говорится, ежели вороны ищут пару себе поближе к родной сторонке, так что уж гудорить о людях? Один мой родственник из Пусана с мужьей стороны отправил свою дочуру невестой в Пхова. Ехала она туды рыдая, а спустя пяток лет помогла купить семье землю и дом на ней выстроить. И вот, печалась, что ей одной так хорошо живется, девица через брата отправила фото женихов в Чосон. Мол, найти подходящих тут невест. Этот паренек как следует подошел к делу и обратился за помощью ко мне. У меня и фотографии женихов имеются!

Ачжимэ достала фотографию из своего узелка. Подыль тут же засмуцалась, словно увидела не картинку, а настоящего мужчину. Зато госпожа Юн не растерялась, взяла фотографию и стала внимательно разглядывать. Девушка тайком следила за лицом матери. Ей было страшно интересно, какой он, этот жених.

– Ну что, сгодится на роль зятя? Неплохой паренек? Хорош собой, да еще и крупный землевладелец! – От этих слов глаза Подыль и госпожи Юн еще больше расширились.

– Землевладелец? Тамошний? В Америке? Японцы отняли у нас всю землю, разве можно теперича разжиться ей в другой стране? – воскликнула госпожа Юн. Собственный клочок земли для жителей Чосона был недостижимой мечтой.

– Тонто же. Кой трудолюбивый, что уехал в другую страну без гроша за пазухой и приобрел землю. Вот коего человека сватаю! А что ты все фотографию держишь? Сама вздумала к нему идти?

– Чушь! – фыркнула госпожа Юн на шутку ачжимэ и быстро сунула фотографию в подол юбки Подыль.

Девушка застенчиво взяла фотографию, но ее взгляд уже был прикован к молодому человеку в европейском костюме. Густые брови, блестящие глаза, прямой нос, крепко сжатые губы – он словно живой смотрел на нее с фотографии, отчего лицо девушки зарделось. В этот момент сердце Подыль забилося еще сильнее, чем тогда, когда она услышала разговоры о возможном замужестве.

– Сзади имеются имя и возраст.

Девушка перевернула фотографию. Там аккуратным почерком было выведено: «Со Тхэван, 26 лет». Со Тхэван – это имя человека старше ее на девять лет тут же запало ей в душу.

– Двадцать шесть – энто молодой. В Пхова многие женихи дюже старше, – сказала ачжимэ, понизив голос, хотя, кроме них, в комнате никого не было.

– Покудова это не вторая женитьба, то девять летов разницей-то не назвать! А где он родился и кто его родители? – поинтересовалась госпожа Юн, словно уже была почти согласна.

Взгляд Подыль был прикован к фотографии. И пусть жених ей понравился, но это же слишком далеко. Даже если дом мужа близко, посещать его родственникам жены один-два раза в год и то сложно, а если уедет она в Пхова, может и не увидеться больше с семьей. Девушка не хотела отправляться так далеко, бросив мать и братьев.

---

⁴ Чосон – старое название Кореи.

– Он из Ёнгана, провинции Пхёнан. Мать умерла несколько лет назад, а сестры все повыходили замуж и живут в разных концах Чосона, так что они с отцом одни остались. Потому о его семье не волнуйся. А еще ежели ты туды отправишься, то сможешь получить образование!

Подыль обернулась:

– Энто, энто взаправду?

– Ну конечно! Та девушка, моя родственница, была навсе безграмотной, а поехала туды и теперича письма домой пишет и на ихнем языке лопочет, аки своя.

Подыль представила себя на месте той девушки, о которой говорила ачжимэ, и ее сердце забилось быстрее.

Как только в Чучхоне открылась общеначальная школа, отец Подыль, учитель Кан, отправил туда учиться ее старшего брата. Он считал, что в изменяющемся мире дети должны познавать современные науки. Через два года, когда Подыль исполнилось восемь, отец отправил учиться и ее. Хончжу тоже уговорила своего отца отправить ее учиться вместе с подругой. Благодаря богатому отцу Хончжу, господину Ану, семья Подыль и поселилась в деревне Очжинмаль.

С детства господин Кан стремился сдать экзамен на чин, тем самым поднять на ноги обедневшее домохозяйство и изменить загнивающий мир. Когда он выдержал первый этап экзаменов и получил титул «высокоученый Кан», погрязшая в коррупции не меньше, чем мир, система экзаменов была упразднена. Это было как гром среди ясного неба для высокоученого Кана, который только и делал, что готовился к экзаменам. Гроши, что он получал от своей семьи, кончились, да и от разорившейся до этого семьи госпожи Юн помощи ждать не приходилось. Янбан⁵ без чина и без денег – то же, что и красивый на вид, но кислый на вкус дикий абрикос.

Чтобы сводить концы с концами, высокоученый Кан устроился на рынок писарем, но нужда довела семью до того, что и госпоже Юн пришлось подрабатывать шитьем. Богатый господин Ан пригласил высокоученого Кана переехать в деревню Очжинмаль работать учителем. Все это было до рождения Подыль. Господин Ан по происхождению был простолюдином, но торговлей волами заработал на жизнь и купил землю в деревне Очжинмаль. Он построил дом с черепичной крышей с видом на поля и, обосновавшись, купил себе родословную книгу, что сделало его янбаном. Поэтому знающие историю его происхождения местные жители стали именовать его «богач Ан», так как никакого дворянского титула он не заслуживал.

Учитель Кан величал богача Ана «старшим братом», даже зная, что последний купил дворянский титул за деньги, и несмотря на то что тот был младше его на десять лет. Госпожа Юн также обращалась к жене богача Ана не иначе как к старшей. Благодаря дружбе родителей Подыль и Хончжу тоже стали друзьями не разлей вода. Сестры обеих девочек умерли в младенчестве, поэтому они были единственными дочерьми у своих родителей. Подыль была вторым по возрасту ребенком в семье, а Хончжу – самой младшей.

Подыль было намного интересней ходить в школу и изучать с другими детьми хангыль, то есть корейскую письменность, японский язык, счет и гимнастику, нежели прописывать иероглифы в папином кабинете чистописания. Хотя путь до школы лежал через три перевала, для девочки в столь раннем возрасте это не было чем-то сложным. Однако после смерти мужа госпожа Юн не смогла оплачивать обучение в школе двоим детям. И когда пришлось выбирать, кому покинуть школу – сыну или дочери, – выбор, естественно, пал на дочь.

Подыль оставила школу, не окончив и второго класса, и вынуждена была выполнять работу по дому и сидеть с братьями. Их было трое, и все походили друг на друга. На следующий год госпожа Юн отправила в школу следующего за Подыль по старшинству брата, однако девочка такой чести не удостоилась. Подыль чувствовала обиду и несправедливость.

---

⁵ Янбан – представитель высшего сословия в Корее, принадлежность к которому передавалась по наследству.

– А как же я? Кюсик идет, а мне тады почему нельзя? Я тож хочу снова пойтить в школу! – молила и протестовала Подыль.

– Ты девочка и мож написать и прочесть свое имя, коего еще образования тебе надо?

На слова матери девочка объявила бойкот, перестав есть и выполнять домашние обязанности.

– Ты моей смерти желаешь? Ежель так, тады я пойду брошусь в водопад в горах Мэбонсан, и делай что хошь!

Госпожа Юн сбросила с себя верхнюю юбку и резко встала. Подыль испугалась. Если мамы не станет, то она окажется сиротой. Девочка обняла ноги матери, которая пыталась выйти из комнаты, и поклялась больше не заводить разговоров о школе. После этого, чтобы не забыть, как писать, Подыль выводила кочергой на земле буквы, и это было единственным успокоением ее души.

Если она отправится замуж в Пхова, то сможет учиться! Волнение в сердце Подыль сдержала другая мысль – Хончжу. Реши она поехать туда, ей придется расстаться и с подругой. Хончжу, которая поступила в школу вслед за ней, был больше интересен магазин рядом со школой, чем сама школа, тем не менее она не прекратила обучения после ухода Подыль. Как раз тогда Хончжу переехала жить в Чучхон, в дом старшего брата. Даже на каникулах она не возвращалась домой, а ездила в Кимхэ или Пусан, где жили другие ее братья. Подыль больше завидовала подруге потому, что та посещает школу, а не потому что ездит развлекаться. Будто бы Хончжу и впрямь дочка янбана, а сама она дочь простолюдинов.

Проучившись четыре года и окончив общеначальную школу, Хончжу не пошла в школу для девочек. Ей это было неинтересно, а родители не хотели отдавать дочь в новое для того времени учебное заведение высшей ступени, порог которого не перешагнул ни один из их сыновей. Пожив там, где были и школа, и рынок, Хончжу возвратилась домой, в уединенную горную деревню. Это вгоняло ее в тоску, однако Подыль была рада, что подруга наконец-то рядом. С ней девушка забывала о том, что ей приходилось зарабатывать на жизнь, помогая матери. А еще дом Хончжу был единственным местом, где ей разрешалось гостить по вечерам. Она брала с собой шитье и в любую свободную минуту бежала в дом к подруге. Даже шить было намного веселее, болтая с Хончжу, нежели сидя подле матери.

У Хончжу была собственная комната, располагавшаяся напротив главного здания анчхэ⁶. В этой комнате Подыль жевала хурму и другие сладости, зачитываясь романами «Цвет осенней луны», «Кровавые слезы», «Моранбон» из сундука Хончжу, а после они вместе бурно обсуждали рассказы о свободной любви, красили губы и представляли себя главными героинями прочитанных книг.

В прошлом году Хончжу исполнилось шестнадцать, и родители подобрали ей подходящего жениха. Говорили, что его семья по происхождению янбаны города Масан. Чтобы никто не мог упрекнуть дочку богача Ана в том, что она белоручка, Хончжу обучили ведению домашнего хозяйства. Больше всего ей не нравилось тихо сидеть и шить. Каждый вечер Подыль, перенявшая мастерство шитья от матери, помогая ей с заказами, сидела рядом с подругой и вышивала наволочки и подушки для ее приданого.

Когда мать Хончжу выходила из комнаты по делам, Хончжу тут же бросала вышивку и начинала громко разговаривать. В отличие от Хончжу, которая радовалась предстоящему переезду из деревни Очжинмаль в шумный Масан, Подыль чувствовала, что уже скучает по подруге. Это будет совсем по-другому, чем когда Хончжу уехала в школу. Тогда этому был определенный срок, ведь после окончания Хончжу вернулась, а замужество – это прощание навсегда.

---

⁶ Анчхэ – здание во внутренней части дома, в которой в основном живет хозяйин.

Год назад, когда Хончжу выходила замуж во дворе своего дома, а потом покинула Очжин-маль, Подыль плакала сильнее, чем мать невесты. Не будет больше друга, которому можно раскрыть душу, не с кем будет погулять и на время забыть о тяготах жизни. Придется жить с этой потерей так же, как научилась она жить с болью утраты отца. Однако через два месяца после свадьбы Хончжу стала вдовой. Поговаривали, что сватья утаила, что жених был болен, другие же рассказывали, что отец невесты настолько хотел породниться с янбанами, что не послушался предсказания гадалок о том, что это плохой союз. Не то что Подыль, самая близкая подруга, но даже сама Хончжу не знала правду.

Законы Чосона гласили, что, выйдя замуж, женщина навсегда принадлежит дому своего мужа, там она и должна быть похоронена. При мысли о Хончжу Подыль вспомнила о том, как остается кровь на вышивании, если нечаянно поранить палец иглой. Как бы хорошо ни была сделана работа, следа все равно не скрыть, а значит, труды насмарку. Хончжу ни в чем не виновата, но ее судьба в один момент стала похожа на вышивку, запятнанную кровью. Осознание того, что женская судьба подобна испорченной вышивке, казалось Подыль горьким и несправедливым. А что, если это она сама накликала беду, потому что была так расстроена замужеством подруги?

– Каково же теперича Хончжу жить всю жизнь в доме мужем без детей? – вздыхала Подыль за шитьем. Раньше ее мать как присказку повторяла, что, не будь у нее детей, она бы бросилась в водопад в горах Мэбонсан.

– А тебе почём вздыхать? Судьба у Хончжу такая! – сказала госпожа Юн, завершая работу узлом.

Однако через некоторое время после смерти мужа Хончжу вернулась в родительский дом. Это случилось благодаря предсказанию шаманки Кымхвы из Суричже, которая сказала, что если молодая вдова останется, то можно накликать еще большую беду. Не только семья мужа, но даже родители Хончжу считали, что молодой муж умер из-за нее. Все в округе думали точно так же. Как бы кто ни кричал, что мир стал цивилизованнее, а умы людей никак не поменялись. В деревне говорили, что богач Ан заплатил огромные деньги сватам, чтобы те вернули дочь домой.

В ту ночь, когда Подыль впервые пошла проведать вернувшуюся домой подругу, ее сердце и шаги были бесконечно тяжелыми. Девушка выросла, видя, как вдовствует ее мать, которую общественная молва о том, что она довела мужа, терзала больше, чем горе утраты. Будто быть вдовой и тащить на себе это звание всю жизнь, словно иго, считалось одним из самых страшных женских преступлений, которое распространялось и на твоих детей. Хоть это было неправильно, но на них, детей, также показывали пальцем и обзывали «безотецкими отребьями». Одной из причин, по которой госпожа Юн воспитывала своих детей в строгости, была ее попытка оградить их от этих нападок.

Примешав к беде Хончжу и личные переживания, Подыль шла в дом богача Ана и рисовала в воображении разные горестные картины. Она готовилась к тому, чтобы обнять подругу и заплакать. Войдя в калитку и увидев скорбное лицо матери Хончжу, девушка невольно съжилась. Казалось, у женщины не было даже сил что-либо сказать, поэтому она поприветствовала девушку взглядом и кивком головы указала на комнату дочери. При виде стоящих на ступеньках у комнаты дорогих туфелек подруги девушку начали душить слезы. Подыль поставила рядом свою простенькую обувь и зашла в комнату.

В тускло освещенной комнате, в траурной одежде и с собранными в пучок волосами, в нелепой позе, подняв одно колено вверх, сидела Хончжу. Она слышала, как вошла Подыль, но не обернулась. Ведь ее супруг умер спустя два месяца после свадьбы. Это же подобно концу света. В полной мере ощутив бедственное положение подруги, Подыль села рядом с Хончжу, не смея громко дышать. Служанка принесла тарелку сладкой хурмы и мельком взглянула на Хончжу. Как только она ушла, Подыль открыла было рот, думая, что ей нужно что-то сказать. В

этот момент Хончжу зашуршала подолом юбки, опустив колени и расслабившись. Приняв позу лотоса и положив кулаки на колени, Хончжу, не дав сказать и слова подруге, стала выпускать пар:

– Он и так был болен. Я его навсе не убивала, отчего ж мне тогда сидеть дома, будто преступнице? Ежель они не выгнали меня из дому ихнего, чтоб со мной сталось? Ежель мне пришлось жить тама всю жизнь, я скорей бы удавилась!

Хончжу была непохожа на вдов, которых Подыль видела прежде. Ей стало легче, когда она увидела, как подруга, не стесняясь в выражениях, дает волю чувствам. Она еще раз убедилась: то, что мать стала вдовой, а они остались без отца, не было их виной!

– То-то буде. Чудно, что они меня антудова выгнали!

Девушки обнялись и, вместо того чтобы плакать, захохотали.

Не зная об этой сцене, но боясь, что дочь замыслит что-то недоброе из-за своего бедственного положения, мать Хончжу попросила госпожу Юн разрешить Подыль навещать подругу каждый день.

Девушки, как прежде, вместе вышивали, ели хурму и читали романы. Единственное, что изменилось, – это то, что у Хончжу появился опыт с мужчиной, а это значит, что она теперь могла рассказать и про это.

– Энто было впервой, потому первая ночь прошла сумбурно. Я-то читала о любви в книжках, потому была дюже лучше, чем больной муженек, у которого еще молоко на губах не обсохло. Бедняга так дрожал, аж не мог толком развязать мне платья... Ох, тады намучилася...

Раскрасневшаяся Подыль слушала подругу, хлопая глазами.

Прокричал петух. Это был петух из дома семьи Чансу, самого трудолюбивого жителя деревни Очжинмаль. Но Подыль все еще не могла уснуть. И не только из-за храпа ачжимэ. Ее собственное сердце стучало громче.

Госпожа Юн прошлым вечером сказала, что подумает, но Подыль с каждой прошедшей минутой все больше склонялась к тому, чтобы принять предложение о замужестве. Если они согласятся, то все расходы возьмет на себя жених, а значит, о деньгах тоже можно не волноваться. Ей хотелось поехать в Пхова. Ей хотелось учиться. Ей больше не хотелось шить на заказ просто потому, что она дочь вдовы, а потом выйти замуж за мужчину с похожей судьбой и жить, как ее мать, не имея возможности посвятить ни минуты себе. Подыль была дочерью своей матери, а значит, ей была уготовлена та же участь. Выйдя замуж, дочери должны были жертвовать все родителям и братьям, и это было естественным положением вещей. Однако в Пхова даже замужние женщины могут учиться. Только по этой причине Пхова уже можно считать раем. Подыль казалось, что это уникальный шанс, однако мысль о том, что из-за стремления им воспользоваться она собирается покинуть родных, кольнула ей сердце.

«Ежели бы мама и меня отправила в школу, я бы на энто не решилась», – пыталась успокоить обессиленное сердце Подыль. Но потом ей подумалось, что этой свадьбой она сможет помочь родне. Невеста в доме – это не только рабочие руки, но и дополнительный рот. Поэтому если она выйдет замуж, то и матери станет полегче. Кюсик уже зарабатывает себе на пропитание, трудясь в велосипедном магазинчике в Кимхэ, а Квансик и Чхунсик уже большие. Она намного больше поможет семье, если выйдет замуж, как это сделала родственница ачжимэ со стороны мужа, чем если продолжит готовить обеды. Чем больше Подыль думала, тем больше ей казалось, что вряд ли найдется жених настолько лучше по положению, чем ее собственное, и возникало опасение, что, пока они медлят с ответом, могут упустить свой шанс.

Как обычно, госпожа Юн встала до рассвета, тут же расчесала волосы гребнем и, как подобает замужней женщине, собрала их в пучок, затем отправилась в нужник. Как только мать вышла из комнаты, не сомкнувшая всю ночь глаз Подыль тут же начала толкать ачжимэ:

– Ачжимэ, ачжимэ!

– Чегось тебе? – спросонья заворчала ачжимэ, и Подыль перевернулась на другой бок.

– Энто правда, что ежели я поеду в Пхова, то смогу там учиться? – боясь возвращения мамы, быстро спросила девушка.

Даже если она не будет жить в роскоши, ей было бы довольно того, что она сможет учиться. Даже если будет трудно, она бы хотела попробовать, ради себя. Ачжимэ вдруг резко села, и девушка вскочила следом.

– Правда. Ужли я не казывала? Моя родственница уехала в Пхова навсе безграмотною, а теперича пишет домой письма и лопочет на ихнем прямо как тамошние носатые.

– Ачжимэ, тады я тоже хочу замуж в Пхова. Пожалуйста, потолкуйте с моей мамой, – взмолилась Подыль, схватив ачжимэ за руку.

– То-то, правильное решение! Об остальном-то я позабочусь, – погладила женщина шершавой рукой тыльную сторону руки девушки.

Услышав намерение дочери, госпожа Юн тут же его одобрила. Однако согласия невесты было недостаточно, чтобы с уверенностью говорить о предстоящей свадьбе. Фотография Подыль тоже должна была понравиться жениху.

– Об энтот не переживай! Подыль у нас невеста хоть куды! Я замолвлю за тебя словцо! А днем пойдем в фотоателье и сделаем фотографию, – громко сказала ачжимэ.

– Энто только ты так думаешь! Что с ней взять: отца нету, живем туго, да и сама она простая девчушка... Да и для фотографии нету ни одной красивой одежи, – вздохнула госпожа Юн. Как только она решила выдать дочь замуж, упустить такого жениха, как Со Тхэван, стало жалко.

Мама была права.

– А ежель мне одолжить одежу у Хончжу? – торопливо предложила Подыль.

От этих слов госпожа Юн невольно подпрыгнула:

– Хошь беду накликать? Хошь фотографию, от которой зависит твое замужество, делать в одеже молодой вдовы? Хошь, чтобы сразу все пошло наперекосяк?

Подыль считала, что Хончжу, за исключением того, что она не могла выходить из дома, была во всем лучше нее самой: говорила все, что ей вздумается, и ела, сколько хотела. Сейчас ее положение было хуже, чем у вдовы, но если она отправится в Пхова, то это будет совсем другой разговор. Подыль представила себя образованной современной женщиной в красивой одежде в окружении мужа и детей – жизнь, которую никогда не сможет обрести Хончжу, чья судьба стала подобна запятнанной кровью вышивке.

– Конечно, в такой одеже никой нельзя! – поддержала ачжимэ.

– А не пойтить ль нам на некую хитрость? – после недолгих размышлений сказала госпожа Юн, словно пришла к какому-то важному выводу. – Подыль, ты сфотографируешься вон в той одеже!

Эту одежду мама шила для будущей невесты и для завершения наряда оставалось лишь пришить белый воротничок.

– Дык как же можно? – коротко возразила Подыль, сильно удивившись предложению своей матери, которая никогда бы не позарилась на чужой ячмень, даже умирай она от голода, и которая тому же самому учила своих детей.

– Тады решили! – отрезала госпожа Юн с пунцовым лицом. – Отправим фотографию тебя в этой одеже и успешно договоримся о свадьбе! Ежели ты наденешь ее разочек для фотографии, то никто и не заметит, что ее кто-то уже носил.

– Правильно! Мы ж для хорошего дела ее попользуем, так что всё в порядке! – громко согласилась ачжимэ.

Госпожа Юн смазала заплетенные волосы дочери маслом камелии. Ачжимэ сказала, что припудрит Подыль лицо и нанесет румяна уже в фотоателье.

Держа в руках чужую одежду, девушка вышла из дома вместе с ачжимэ. Подыль было неловко обманывать с самого начала мужчину, за которого она собирается замуж, но даже ей не хотелось отправлять фотографию в старой одежде. Она мечтала понравиться Тхэвану и отправиться в Пхова.

С нарядом решили, но ее тревожило еще кое-что – Хончжу до сих пор не знала об этом грандиозном событии. Мать строго наказала Подыль сохранить новость о грядущей свадьбе в тайне от подруги, пока все точно не будет решено. Если сначала говорят о женитьбе, а потом все рушится, то винят в этом только девушку. Хончжу, что бы ни случилось, всегда все искренне рассказывала Подыль. И даже не утаила ни того, что ее первой любовью был умерший старший брат Подыль, ни подробностей ее первой брачной ночи.

Вечером, сделав фотографию, девушка отправилась к подруге и честно обо всем рассказала. Сколько ни просила ее мать, она не хотела иметь секретов от Хончжу, а такие новости держать в тайне было просто невыносимо. Оказалось, что подруга слышала рассказы о том, что мужчины в Пхова ищут невест из Чосона.

– Я слыхала об этом в Масане из разговоров свекрови и ее суседки. Та ачжимэ выдала старшую дочь замуж по фотографии, и той понравилось, потому она зовет к себе младшую сестру. Тоды я подумала, что отправиться замуж в такую даль – это что пойтить в монастырь, но теперича мне кажется, что это в сто раз лучше, чем быть вдовой.

От слов Хончжу тревога в сердце Подыль тут же исчезла. Пусанская ачжимэ хоть и не из тех, кто врет, но девушку охватывал страх при мысли о месте, о котором она ничего не знает. Но если дочери той соседки, о которой говорит Хончжу, не понравилось бы в Пхова, то она бы не позвала туда свою младшую сестру.

Подыль поделилась с подругой даже тем, что жених ее землевладелец и что на фотографии он ей показался мужественным. Зная, что она точно не выполнит просьбу матери ничего не рассказывать, девушка не взяла фотографию с собой.

– А ежели ему не понравится, как я выгляжу? – сильно переживала Подыль.

– Ну тоды проси другого жениха. Он же не один таков. Здорово же тебе! Я бы тоже хотела в Пхова. Сижу дома целую неделю, и кажется, что еще день-два, и я умру со скуки.

Впервые Хончжу завидовала Подыль.

На следующий день в дом Подыль пришла мать Хончжу. Во взгляде и голосе госпожи Юн читалась тревога:

– Принеси еще воды.

Девушка вышла из комнаты, но мысли ее были лишь об одном. Что же ее сюда привело? Что-то стряслось с Хончжу? Вдруг мать Хончжу тоже прослышала о свадьбе по фотографии? А вдруг она пришла пожаловаться на то, что Подыль сподвигла ее дочь на что-то нехорошее? Мама сильно ее накажет за то, что она рассказала все Хончжу вопреки ее наставлениям. Девушка закрыла дрожащей рукой дверь. В этот момент в комнате раздался голос матери Хончжу. Подыль не могла сделать и шага от двери и напрягла слух.

– Я слышала гуторы про замужество по фотографии. Я тоже отправлю свою дочь. Ее муж умер раньше, чем их брак записали в семейную книгу, так что она чиста, однако правду никак не скрывать. Потому это должен быть такой же вдовец, как и Хончжу. Кажи, прошу, где найти мне пусанскую ачжимэ, – голос госпожи Ан сильно дрожал.

Придя на кухню, Подыль зачерпнула воды из глиняного горшка. Руки ее тряслись, поэтому она пролила бесценную воду. Еще больше девушка пролила, пока наливала ее в чашку. Чтобы как-то успокоить душу, Подыль присела на печь.

При мысли, что Хончжу не сможет присоединиться, в девушке просыпалась гордость за то, что такая удача выпала только ей одной, но мысль о том, что она может поехать вместе с подругой, делала ее невероятно счастливой. Если Хончжу будет рядом, то ей будет не так одиноко и чувствовать она себя будет намного увереннее. Там хоть и нет сложностей, ведь это рай на земле, но разделять моменты радости вместе куда веселее. Когда Подыль вернулась в комнату, мать Хончжу ерзала на месте.

– Беда-беда. Отец Хончжу же ничего не знает.

Подыль поставила чашку воды перед женщиной.

– Как же нам его уговорить? – обеспокоенно спросила госпожа Юн.

Мать Хончжу залпом выпила воду и громко поставила чашку.

– Он может разве что меня убить. Оставить Хончжу здесь – что обречь на верную смерть. Ежели она умрет, то и я ей вслед. Уж лучше умереть, чем видеть, как моя юная дочь увядает взаперти, – решительно заключила госпожа Ан.

– Верно. Все лучше, чем оставаться здесь. Потому я и отправляю Подыль. Мне было страшно посылать дочь одну так далеча, но ежели они поедут вместе с Хончжу, то мне энтю большая радость. Вы думали о будущем дочери, и для вас это было сложным решением.

Госпожа Юн взяла мать Хончжу за руку. Обе женщины заплакали. Подыль тоже всхлипнула.

Девушка в зеркале, мужчина на фотографии

Хончжу настаивала на том, чтобы выбрать жениха самой. Сказав, что едет проведать сына, госпожа Ан вместе с Хончжу отправились к пусанской ачжимэ. Подыль завидовала подруге, что та сможет сама выбрать себе жениха. Тхэван был неплох, но что, если Хончжу выберет себе кого-то получше?

– Ежель мне знать, что так произойдет, то я бы поехала с Хончжу и узнала бы побольше, – Подыль бросила на мгновение шитье, изливая душу.

– Да ну брось! Почём верить фотографии? Ачжимэ даст гарантий больше, чем любая фотография! – отрезала госпожа Юн, прекратив все возражения дочери.

Через два дня, услышав от брата, что он видел, как Хончжу возвращается домой через перевал, Подыль тем же вечером, не высушив руки после мытья посуды, тут же побежала к подруге. Хончжу в спешке, словно ей не хватит воздуха, рассказала подруге, как она встрети-лась с ачжимэ, как они пошли в дом к свахе и как выбирали жениха. А на обратном пути они сделали фотографию на рынке в Чучхоне, которую потом отправят избраннику. Подыль не терпелось узнать, кого выбрала Хончжу, поэтому она прямо выхватила из рук подруги фото-графию.

В отличие от фотографии Тхэвана, на которой было изображено только его лицо, здесь были дом и деревья, которых Подыль никогда до этого в жизни не видела, а на их фоне стоял мужчина в костюме на западный манер, поставив одну ногу на машину. Взгляд девушки при-влекли не мужчина, не дом, не машина, а именно деревья. Пусанская ачжимэ говорила, что на них в изобилии растут одежда и обувь. Подыль пристально рассматривала фотографию, но разглядела на верхушке дерева только круглый плод, похожий на тыкву. Как знать, может, фотография была слишком маленькой, чтобы можно было хорошенько рассмотреть, а может, одежда и обувь спрятаны в этом круглом, похожем на тыкву плоде, прямо как в сказке про Хынбу⁷.

– Ну что кажешь? Выглядит солидно и мужественно? Даже машина есть! – со взволно-ванным видом произнесла Хончжу.

Только после этих слов Подыль посмотрела на избранника подруги, который ездил на машине, будто он государь или почетный чиновник. На фотографии лицо казалось слишком маленьким, чтобы его можно было разглядеть, но его поза – нога на машине, локоть стоит на колене, ладонь подпирает подбородок – смотрелась очень элегантно. Подобно Тхэвану, он выглядел достойно. Подыль склонна была думать, что это благородно со стороны Тхэвана: будучи землевладельцем, отправить фотографию, где изображено только его лицо. Возвращая фотографию подруге, девушка спросила:

– А сколько ему лет?

– Тридцать восемь. Он рано овдовел, поэтому детей нету.

Когда Подыль услышала число – возраст отца, – глаза у нее округлились. Он был старше подруги больше чем на двадцать один год!

– Дык он не слишком ли стар для тебя?

---

⁷ Корейская сказка о двух братьях. Старший, жадный Нольбу, забрал наследство себе, оставив младшего, Хынбу, голодать. Однако однажды по счастливой случайности добросердечный Хынбу спас несчастного птенца ласточки от змеи, за что птичка отблагодарила его, подарив семечко тыквы. Из семечка выросли огромные плоды, внутри которых лежали рис и деньги. Жад-ный брат, прослышав о чуде, хитростью заставил птенца ласточки выпасть из гнезда и сделал вид, что спас его. Но птиц было сложно провести. Они подарили Нольбу семечко тыквы, из которого выросли плоды со злыми чертями внутри – они ограбили дом Нольбу и избили его с женой. Им пришлось просить помощи у брата, и, конечно, добрый Хынбу им помог.

– Я уж пожила с мужем младше меня. Потому молодого не хочу. Муж постарше – как старший брат, намного лучше. – Хончжу совсем не волновало то, что жених ее значительно старше.

– Но он же тебе не в братья, а в отцы годится!

Подыль представила его ровесников, которые жили в Очжинмаль. Это были дядечки, о которых совсем нельзя было подумать как о мужчинах. И даже представить себя с таким под одним одеялом уже было мерзко. Двадцатипятилетний Тхэван стал нравиться Подыль еще больше.

Встретившись с пусанской свахой, Хончжу многое узнала о Пхова.

– Подыль, а ты слыхала о таком растении, как сахарный тростник? – спросила Хончжу.

Подыль знала, что такое сахар, так как однажды пробовала сахарные конфеты, и знала, что такое тростник, так как он растет в огороде, но что такое сахарный тростник, она не знала.

– Казывают, что из сахарного тростника делают сахарную пудру. Чосонские мужчины уезжали в Пхова, как раз чтобы работать на этих тростниковых полях. И таких были тысячи.

– А что, в Пхова так много этих тростниковых полей? – Глаза Подыль округлились.

В детстве ей довелось пробовать японские сахарные конфеты, привезенные старшим братом Хончжу из Пусана. Со словами, что они невероятно дорогие и очень ценные, Хончжу разломила зубами крохотный шарик размером с виноградинку и отдала половинку подруге. Каждый раз, когда Подыль ела что-либо вне дома, она думала о маме и братьях, но тогда ее мысли были заняты лишь тем, что ей жалко, что конфетка бесследно растаяла во рту, ведь ей хотелось съесть еще. Насколько же дорогими должны быть поля, на которых растят такой бесценный сахар? Говорят, что Тхэван – крупный землевладелец. Значит, видимо, это правда, что он деньги в совок метет.

Как только из ателье пришли фотографии, девушки, как наказала сваха, написали сопроводительные письма женихам. У окончившей школу Хончжу и совсем недолго посещавшей занятия Подыль навыки письма были примерно одинаковыми. Подыль иногда по просьбе матери писала письма Кюсику или семье госпожи Юн. Советуясь друг с другом, девушки усердно писали строку за строкой. Это было всего лишь письмо, где им нужно было кратко рассказать о себе, но сердца их билось так, словно они писали любовное послание.

И хотя никто из девушек не получил определенного ответа от женихов, грезили они о замужестве так, словно все уже было решено. Это никак не могло сравниться с жизнью их родителей, людей в округе или с кратким опытом жизни в браке, который был у Хончжу. Должно быть, жизнь после свадьбы в Пхова, там, где, говорят, еда и одежда растут на деревьях, деньги в совок метут, а женщинам можно учиться сколько душе угодно, сильно отличается от здешней. В итоге подруги напредставляли себе все, о чем мечтали. Сердце Хончжу, которая побывала замужем за человеком, выбранным родителями, так что она и лица его до свадьбы не видела, трепетало при мысли о Чо Токсаме, женихе, которого она выбрала сама, словно он был первым мужчиной в ее жизни. Она говорила, что взаимный выбор и обмен письмами кажется ей свободным браком по любви, и это ей нравилось. На слова Подыль о том, что в Пхова она пойдет учиться, Хончжу скорчила непонимающую гримасу:

– Чего? Учиться? Ты и правда странная. Ну и валяй свое учиться. Я ж надена красивое платье, сяду в машину мужа и буду кататься, любясь пейзажами. Вот такая у меня будет интересная жизнь! – мечтательно сказала Хончжу, приложив фотографию Токсама к груди.

Подыль и не говорила, что будет только учиться. Ее сердце забилося сильнее до того, как она услышала про учебу, с того самого момента, как она увидела фотографию Тхэвана. Как бы ей ни хотелось учиться, вряд ли бы она легко смогла принять это решение, если бы жених ей не понравился. Ей очень хотелось счастливо жить с Тхэваном и при этом учиться. Жить с ним не так, как живут жены с мужьями в Очжинмаль, равнодушно и холодно, а так, как влюбленные в романах, – любяще и бережно.

Переправка писем между Пхова и Чосоном заняла месяц. Первой ответ получила Хончжу. Он гласил, что жених рад заполучить такую прелестную невесту с таким аккуратным почерком и что он будет смотреть на море бушующих белых волн в сторону Чосона в ожидании дня встречи длиною в вечность. К письму были приложены сто американских долларов на расходы. Пятьдесят долларов, как он написал, уйдет на переправу между Японией и Пхова. Чтобы собрать документы и доехать до Японии, тоже понадобятся деньги. Хончжу больше интересовало письмо:

– Ох, отчего ж я так волнуюсь?! – при этих словах улыбка Хончжу растянулась до ушей.

«Если Токсам, который женится во второй раз, написал такое письмо, то Тхэван, для которого свадьба впервые, напишет еще более трогательное письмо», – надеялась Подыль. Однако Тхэван через сваху вместе с согласием о готовности жениться на девушке передал лишь сто пятьдесят долларов. Подыль была расстроена, однако ее утешило, что ее избранник послал ей на пятьдесят долларов больше. Эти деньги девушка отдала матери.

– Кажись, твой суженый уж больно стеснительный. Ну, женившиеся впервые все такие. Встретитесь, и он изменится, – утешала Хончжу.

Хончжу отправила ответ, который отчего-то приводил в еще большее смущение: «Ты снишься мне каждый день!». Подыль завидовала подруге, которая с того дня, как отправила жениху письмо, вдохновенно ждала его ответа. Девушка утешала себя тем, что Тхэван – очень серьезный и глубокий молодой человек.

Перед отправлением в Пхова было много приготовлений. Так как брак по фотографии был узаконенной процедурой, по которой проживающий в Пхова жених приглашал к себе девушку из своей родной страны, то сперва нужно было официально зарегистрировать брак в Чосоне. Как только процедура была завершена, Подыль стала считать Тхэвана своим настоящим женихом. Женихи отправляли невестам паспорта, полученные в японском посольстве в Пхова, с которыми девушкам должны были выдать разрешение на выезд. Даже имея при себе все документы, пассажир в Японии должен был пройти медицинскую комиссию, и ему могли отказать в месте на пароме до Америки.

Подыль каждую ночь тайком смотрела на фотографию Тхэвана. Чаше этого она разглядывала себя в ручное зеркальце, которое получила в подарок от пусанской ачжимэ. Госпоже Юн тогда досталось масло из семян камелии. И хотя девушка мечтала заполучить все содержимое узелка ачжимэ, среди всех безделушек именно это ручное зеркальце казалось ей самым желанным.

– Энто мой последний тебе подарок. Я кончаю с торговлей. На моем теле уж нету живого места. Небось, у меня болезнь костей. Вот что значит всю жизнь ходить, таская на себе тяжести. Сын просит меня остаться у него и нянчить внуков.

Квохчущая всю жизнь над одним сыном пусанская ачжимэ в прошлом году обустроила ему винокурню, небольшое предприятие по производству бражки.

– Кажись, в винокурне все хорошо. Раз сын так кажит, тоды так и поступай. Хоть мне будет горько с тобой расстаться, – грустно заключила госпожа Юн.

Подыль даже днем по несколько раз втайне от матери смотрелась в зеркало: она казалась себе достаточно привлекательной, чтобы ее полюбил мужчина. С каждым днем чувства Подыль к Тхэвану росли. Порой девушке снилось, что она героиня какого-то любовного романа, но потом она резко просыпалась и удивлялась случившемуся. И пусть она стыдилась того, что кто-то заглянет в ее интимный сон, избавиться от приятного послевкусия грез было непросто. Главными героями сна был мужчина на фотографии и девушка в зеркале.

Подыль и Хончжу покинут Очжинмаль на рассвете в семнадцатый день первого лунного месяца года Желтой Лошади⁸, когда им исполнится восемнадцать лет. День был выбран так, чтобы их отправление состоялось после больших праздников: Нового года⁹ и Первого полнолуния¹⁰. После утверждения даты Подыль перештопала всю одежду и изношенные носки своих близких. В Новый год она провела поминальный обряд на могиле отца, а в день перед отправкой несколько раз сходила к колодцу и наполнила все кувшины в доме водой.

– Уж уезжаешь? – спросила Подыль соседка из Анголь, с которой она несколько раз встрети­лась у колодца.

– Да, уж взавтря.

Ничего в деревне не утаишь – слух о том, что Подыль и Хончжу едут в Пхова невестами по фотографии, быстро разлетелся по округе. В дом госпожи Юн тайком стали наведываться люди, которые тоже хотели выдать своих дочерей замуж таким образом. Но были и те, кто судачил за спиной, осуждая мать Хончжу за то, что та выдала повторно дочь замуж, хотя еще не прошло трех лет с тех пор, как девушка овдовела, и злословили о том, что мать Подыль продала дочь за деньги.

– И как теперича жить твоей матери, после того как она отправила тебя так далеча? – цокола языком соседка.

Настал день отправления в Максан, и на душе у Подыль тоже сделалось тяжело и больно. С кем теперь мама будет шить? А братья Квансик и Чхунсик? Кто теперь о них позаботится? Подумав о близких, Подыль сожалела, что до этого момента ее мысли были заняты только замужеством.

«Ты едешь невестой в Пхова ради своей семьи. Когда приедешь, попроси Тхэвана отправить нам денег. Я куплю земли и отправлю твоих братьев в школу».

В последнюю ночь Подыль приняла ванну на кухне и, как обычно, легла рядом с матерью в комнате. Чаще всего госпожа Юн засыпала, как только ее голова касалась подушки. Но той ночью она долго не могла уснуть. Подыль знала, что мать плачет в темноте. Проглотив комок слез, девушка взяла ее за руку. Из-за холодных ветров и постоянного шитья кожа на руке матери была шершавой, как кора дерева.

– Мама! Потерпи еще малость. Я сделаю так, что ты будешь жить, ни в чем не нуждаясь! – сказала Подыль.

– Не кажи так. Ты же знаешь, что я отправляю тебя так далеча ради твоего же блага? Ежели останешься здесь, то так и состаришься старой девой.

– Почему энто я должна состариться старой девой? Соседка из Анголя говорила, что я достойная невеста.

Подыль шутила, но госпожа Юн на это тяжело вздохнула.

– Ты не понимаешь, о чем я гуторю. Пока японцы у власти, кто ж возьмет дочку чосонского повстанца в жены? Все это время тебе приходилось мучиться из-за родителей, теперича поезжай туды и заживи в любви с мужем!

С губ госпожи Юн впервые слетело слово «повстанец». Подыль никогда не знала подробностей смерти отца. Когда японцы захватили страну, временами пропадавший из дома отец однажды исчез навсегда. Подыль вспомнила, как мать вызывали в полицейский участок. После

---

⁸ Раньше в Корее летоисчисление велось по китайской системе шестидесятилетнего цикла, основанной на комбинации небесных ствол (циклических знаков десятичного цикла) и земных ветвей (циклических знаков двенадцатичного цикла, известных также под названием «зодиакальные животные»). Здесь речь идет о 1918 годе – «годе Желтой Лошади», или «муо».

⁹ Сольлаль – Новый год по лунному календарю, один из важнейших праздников в Корее. Этот день принято отмечать в кругу семьи. Считается, что в этот день все корейцы становятся на год старше.

¹⁰ Праздник Полной луны, или, по-корейски, Чонволь Тэборым, отмечается 15-го числа первого месяца по лунному календарю. В этот день люди желают друг другу удачи в новом году и загадывают желания.

этого она рыдала несколько дней, но не раскрывала причин. А потом через какое-то время домой доставили труп отца.

То, что отец состоял в антияпонской «армии справедливости» Ыйбён, Подыль узнала от других людей. Как только их дом посетила полиция, соседи старались его обходить за версту, словно в этом доме кто-то заболел чумой. Если бы тогда богач Ан попросил их освободить дом, то они все оказались бы на улице. Но вместо этого он не только позволил им жить там дальше, но и тайно снабжал их провизией.

Тогда брат Подыль, который был старше ее на три года, ходил в среднюю школу в Кимхэ. Он был зол на японцев из-за отца и однажды заступился за прохожих, над которыми издевался японский полицейский. Лошадь полицейского ударила его копытом, и он умер. Подыль вспомнила, как ночью после похорон брата мать рыдала, говоря матери Хончжу:

– Как уж победить этих японцев, ежели наш государь не смог? Они убили отца моих детей, убили моего сына, но я не стану ненавидеть их и питать к ним злость. И не стану просить моих сыновей им отомстить.

Госпожа Юн хотела сделать так, чтобы ее дети не питали неприязни к врагу, которого невозможно одолеть. С того дня мать Подыль никогда больше не говорила о смерти отца и брата. И вот теперь она сама же произнесла это слово – «повстанец».

– Для меня враг есть сам Чосон. Из-за слабости нашей страны я потеряла мужа и сына. Но Пхова не Чосон, потому тебе не придется ничего защищать. Поезжай туды, подумывай о нас иногда, рожай детей и живи счастливо с мужем. Вот это все, чего я тебе желаю.

Как говорила мать, Чосон был совсем слабым. Прошлым летом слух о том, что японцы захватили в плен правителя, долетел и до Очжинмаль вместе с бесславной вестью о том, что государь добрался благополучно обратно, только вот сделал поклон японскому императору. Отец отдал жизнь за сопротивление Японии, которая теперь заставила чосонского вана согнуться в поклоне. И брат умер за свою страну. Голос матери каждым словом, словно стежком, вшивался в сердце девушки. Той ночью мать и дочь долго не могли уснуть, но в итоге Подыль первую сморил сон.

Наконец-то Пхова. Все сверкает, словно в раю, – вокруг невиданные деревья и здания. На деревьях, как и рассказывала ачжимэ, гроздьями растут еда и одежда. Чо Токсам приехал на машине встретить Хончжу. Но Тхэвана все еще нет. Вместо этого он передал, что отменил свадьбу. И Подыль, не успев сойти с парома, должна вернуться домой. Она топает ногами и кричит с корабля, отдаляющегося все дальше от Пхова... Девушка вдруг проснулась, и от осознания, что это был сон, от сердца отлегло. Однако закралось и беспокойство, что сон может быть вещим. Нет, говорят же, что наяву всегда наоборот. С трудом забыв сон, Подыль легла ровно. Сколько же она потратила сил во сне, что все ее тело теперь болит?

На кухне что-то гремело. Подыль встала и, открыв дверь в кухню, увидела мать, которая готовила рисовые шарики. Девушка поспешила на кухню. Она собиралась перед отбытием в последний раз накрыть маме стол, но проспала.

– Мама, я все сделаю.

– Что ты! Лучше умывайся и собирайся. Я согрела воду.

Голос госпожи Юн звучал холоднее обычного. Возможно, она старалась сдерживать слабость души и не показаться бессильной после того, как вчера раскрыла то, что давно держала в строжайшем секрете. Подыль чувствовала, что мать закрыла дверь памяти и вновь возвращается к жизни.

Перед едой госпожа Юн распустила волосы дочери и собрала их в пучок. В долгой дороге носить прическу замужней женщины безопаснее, чем ходить с заплетенными косами, как девочка. К тому же по документам она едет к своему мужу, Тхэвану. Подыль посмотрела на свой новый образ в ручное зеркальце. Спереди ее прическа не сильно отличалась от прежней, но сзади волнистые волосы были собраны, отчего ощущалась какая-то пустота. Подыль надела

сшитые для нее матерью юбку и кофту из грубой хлопчатобумажной ткани. Впервые после смерти отца на ней была новая одежда.

На деньги, которые Подыль дала матери, госпожа Юн сшила ей несколько новых нарядов. И пусть ей никогда в жизни не доведется познакомиться со сватами, она не хотела услышать потом упреки, что отправила дочь ни с чем. Госпоже Юн было обидно, что та до замужества ходила в обносках, и теперь, будто в отместку, она сшила Подыль новые вещи: шелковые юбку и кофту розового цвета на свадебную церемонию, хлопковый наряд на повседневную носку, а еще, так как в Пхова жарко, две легкие блузки из ткани рами, по две пары короткого нижнего белья, соккот, и удлиненных панталонов, кочжени, и три пары носков посон. А кроме того, госпожа Юн сшила наволочку для свата, наволочку с вышивкой утки-мандаринки¹¹ для молодоженов и даже рубашку для будущего внука.

Впервые с рождения Подыль ела одна. На столе, на котором помимо обычных каши чобап, густой похлебки из соевой пасты твэнчжанччиге и кимчхи из редьки также стояли яйцо на пару и жареные водоросли, лежал только один набор палочек. Поглядывая поочередно то на мать, то на стол, Подыль спросила:

– Энто всё мне одной?

– Я поем позже с твоими братьями. Они вчерась попрощались, так что не буди их, – кратко ответила госпожа Юн.

Подыль знала, отчего мать так себя ведет. Если она увидит братьев, то уж точно не сможет хорошенько поесть. То же случится, если она разделит еду с матерью. К горлу Подыль подступил ком. Обычно, какой бы ни была жесткой еда, она тут же ее глотала, но сегодня каждая проглоченная крупинка просилась обратно наружу. Теперь она уедет в Пхова и там будет жить, вкусно питаясь, а мама и братья не смогут досыта наестись даже кашей, которая на вкус как крупинки песка. Несмотря на уговоры матери съесть всё, Подыль съела половину.

Выйдя из-за стола, Подыль сделала матери глубокий поклон. Госпожа Юн сидела, наклонясь немного в сторону, и молчала, плотно сжав губы.

– Мама, не волнуйся. Я туды приеду, сразу отправлю тебе письмо. Я обеспечу тебе хорошую жизнь, а до этого момента будь здоровой, пожалуйста. И братьям передай мои слова.

Проглотив слезы, попрощавшись и выйдя из комнаты, Подыль стояла, опершись на дверь. Из узелка, который она прижимала к груди, доносился запах кунжутного масла, которым был полит рисовый шарик. Внутри узелка лежали сшитая мамой одежда, менструальные тряпочки и пара туфель. Ручное зеркальце, подарок пусанской ачжимэ, девушка оставила в коробке для шитья. Она хотела взять его с собой, но желание, чтобы мама, посмотрев в прелестное зеркальце, вспомнила о своей дочери, было сильнее. К тому же она считала, что в Пхова полно других зеркал.

Подыль крепко обняла узелок, полный маминой заботы. Из комнаты донесся глухой плач госпожи Юн. Девушке показалось, что если она продолжит так стоять, то этот плач, словно нитка катушку, обмотает ей голень, поэтому пересилила себя и сделала шаг. Она прошла по скрипучим половицам и приоткрыла дверь в комнату, где спали Квансик и Чхунсик. Оттуда вместе с тяжелым мужским запахом донесся храп. Зайдя в комнату, Подыль еле сдержалась, чтобы разочек не коснуться лица младшего брата. Закрыв за собой дверь, она пообещала, что обязательно отправит обоих братьев учиться в школу высшей ступени, а Кюсику, который осваивал мастерство в велосипедном магазине в Кимхэ, подарит свою лавку.

На ступеньках Подыль надела соломенные сандалии и вышла во двор. У сарая росла слива, посаженная отцом, на ней набухли красные почки. Жаль, что она уезжает, не увидев ее в цвету. У плетеных ворот девушка взглянула на дом. Этот обветшалый дом с соломенной крышей, которую не обновляли годами, и люди внутри болью запечатлелись в сердце Подыль.

---

¹¹ Утка-мандаринка считается в Корее символом счастливой семейной жизни.

У входа в деревню она встретила Хончжу, которая тоже пришла одна. Подруги заранее условились, что попрощаются с близкими дома. Если не считать того, что Хончжу была обута в шелковые туфли и узелок ее был намного больше, чем у Подыль, в целом наряд ее был скромен. Увидев опухшие от слез глаза подруги, Подыль тоже не смогла сдержать рыдания.

– Не плачь! Нам предстоит долгий путь, не трать энергию! – подбадривала Хончжу, взяв Подыль за руку.

И через сплетение рук девушки передали друг другу весь вихрь одолевавших их чувств. Держась за руки, подруги сделали первый шаг на пути в новый мир.

Девушки добрались до дома пусанской ачжимэ на закате – они шли весь день без отдыха. Дом с соломенной крышей стоял прямо за рынком. Он нисколько не отличался от ветхого дома, в котором жила Подыль, лишь находился в более оживленном месте. При виде хлопчущей, радушно встречающей их ачжимэ сердце Подыль сжалось от радости.

– Проходите-проходите, девицы! Вы, верно, намучились. Голодные? Сонхва, накрывай на стол! – крикнула в кухню ачжимэ, заводя девушек в комнату и кудахча, словно мама-курица над своими цыплятами.

Из кухни показалась на мгновение девичья головка, но девушкам не хватило времени разглядеть, кто это был. Зайдя в комнату, подруги повалились на пол, словно спелые плоды хурмы. Не то что ногами, они одним пальцем руки не могли пошевелить – удивительно, что им удалось проделать такой большой путь.

– Такие, как я, привычны к долгим дорогам, но вы-то совсем другие. Передохните немножко перед едой. На нее тоже нужны силы, – ачжимэ пожалела девушек и принесла им подушки.

Лежа без сил, Подыль казалось, что она больше никогда не сможет оторвать от пола свое изнеможенное тело.

– Ачжимэ, та девушка на кухне... энто, случайно, не внучка Кымхвы из Суричже? – растянувшись на полу, спросила Хончжу, словно ее неожиданно посетила эта мысль. – Внучка Кымхвы? Та самая дочь сумасшедшей?

– Ужли ты знаешь Сонхву? – спросили Подыль и ачжимэ в один голос.

В Суричже, одном из перевалов на пути из Очжинмаль в Чинён, находился дом шаманки Кымхвы. Люди ходили к ней за новогодними предсказаниями, оберегами от всяческих бед и с просьбой провести шаманский обряд. У Кымхвы была дочь Окхва, которая однажды без отца родила девочку. Это как раз и была Сонхва. Неизвестно, то ли Окхва сначала сошла с ума, а потом родила дочку, то ли наоборот, но так или иначе таскала она ее с собой повсюду. В деревне Очжинмаль не найдется ребенка, который бы не кидал в маму с дочкой камни. Так же, как не найдется того, кого бы мучила совесть за этот поступок.

Яснее, чем плетущуюся за матерью испуганную Сонхву, Подыль вспомнила нервно хохочущую Окхву. Несмотря на свое безумство, эта женщина была самой красивой из всех, что Подыль когда-либо видела. С тех пор как деревню облетел слух о том, что Окхва умерла, упав с обрыва, Сонхву никто больше не видел. Поговаривали, что старая Кымхва сильно намучилась с полоумной внучкой.

– Верно же? Мы надась ходили с мамой на шаманский обряд, так я ее и видела.

Когда со свадьбой Хончжу и Токсама было решено, госпожа Ан пошла к Кымхве за шаманским обрядом об упокоении души первого мужа своей дочери.

– Она тут живет? Работает в вашем доме? – спросила Подыль.

– Нет. Сонхва тож поедет невестой в Пхова.

От такого ответа ачжимэ обе девушки подпрыгнули на месте.

– Что? Ужель есть мужчина, который возьмет ее в жены? – не поверила Подыль словам женщины.

С недавнего времени граница между янбанами и простым народом постепенно стиралась, но о том, чтобы приблизить положение шаманов или мясников к обычным людям, не было и речи. Поседевший старый мясник Тонбук, живший в отдельно стоящем доме, должен был быть почтительным со всеми и кланяться даже местным младенцам. И шаманка Кымхва, которая давно отметила свое шести- и семидесятилетие, – тоже.

Подыль пришла в голову мысль, которую она подавила в себе, когда Хончжу тоже удалось стать невестой по фотографии. Если в такое замужество берут и вдов, и шаманских дочерей, то иллюзии, которые она лелеяла все это время, разрушились. Ведь раз в такой брак может вступить любой, то, значит, Пхова – это рай, в котором может оказаться каждый.

– Видать, существует. Она симпатичная, поэтому свадьбу только вот утрясли, – с улыбкой ответила ачжимэ.

– У него глаз нету, что ль? Где ж она симпатичная? – надула губы Хончжу.

– Дык откуда она вообще узнала о Пхова?! – не сумев сдержать обиды, воскликнула Подыль.

– Шаманка Кымхва прослышала о такой свадьбе от госпожи Ан, взяла Сонхву и пришла ко мне. Она просила отправить внучку подальше от Чосона, чтобы та жила в другом мире, не в таком, где жили ее бабушка и мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.